

Александр ШОРИН

Злата ЛИННИК, Сергей ЩЕННИКОВ, Кирилл БЕРЕНДЕЕВ,
Александр ЗМУШКО, Святослав ПРАВЕДНЫЙ, Надежда ИВОЛГА,
Екатерина ШЕФЕР, Александр ДЗЕРЖИНСКИЙ, Дмитрий ОСИПОВ,
Владимир КАКОРИН, Яна ЧИРСКАЯ, Дмитрий ДУКОВ, Мария ХАУСТОВА,
Илья СТАРИКОВ, Алексей РАТУШНЫЙ, Александр ШТУРХАЛЕВ,
Сергей ЕЛИСЕЕНКО, Дэн ШОРИН, Денис ГЛАДЫШ,
Владимир ВЛАСОВ, Элеонора СТАМБУЛЬЧИК

Рассказы по пятницам

*литературный проект
"Областной газеты"*

Екатеринбург

Александр Шорин

**Рассказы по пятницам.
Литературный проект
«Областной газеты»**

«Издательские решения»

Шорин А.

Рассказы по пятницам. Литературный проект «Областной газеты»
/ А. Шорин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935449-5

В течение года (2012—2013) автор вел проект «Рассказы по пятницам» в «Областной газете» г. Екатеринбурга — писал рассказы на темы, заявленные читателями, снабжая их иллюстрациями, а затем как редактор вел рубрику «Рассказы по пятницам», куда присылали свои рассказы с иллюстрациями авторы со всей России. По результатам проекта были собраны «Рассказы по пятницам», куда вошли лучшие из отобранных материалов.

ISBN 978-5-44-935449-5

© Шорин А.
© Издательские решения

Содержание

Про совместный просмотр анализов	6
Александр Шорин	6
Про скрипачку	9
Александр Шорин	9
Авось	11
Александр Шорин	11
Сказка про морковь	14
Александр Шорин	14
Шафт	16
Александр Шорин	16
Солидарность	19
Александр Шорин	19
Слишком идеален	22
Александр Шорин	22
Велосипед	24
Александр Шорин	24
Время стервы	26
Александр Шорин	26
Про голову вампира, фаршированную чесноком	29
Александр Шорин	29
Женщина-кошка	32
Александр Шорин	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рассказы по пятницам

Литературный проект «Областной газеты»

Составитель Александр Шорин

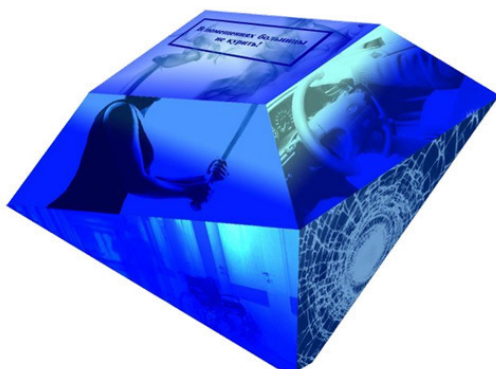
ISBN 978-5-4493-5449-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про совместный просмотр анализов

Александр Шорин

Всю жизнь Владислав занимался изучением минералов. Научный институт, кандидатская, потом докторская... Машину он начал водить много за сорок. Вождение ему далось тяжело, и поэтому он, как человек не просто упорный, а даже систематический, взял за правило водить ежедневно. И постепенно втянулся: со временем поменял первую ржавую «шестерку» на новенький «УАЗ-патриот». Внедорожник взял с расчетом на летние экспедиции, но по факту водил все больше в городе: дом-работа, работа-дом. Пробки, пешеходы...

Особенно пешеходы! Пробки – это, конечно, зло. Но пешеходы – отдельная тема: сначала он их боялся, затем игнорировал... И, наконец, начал ненавидеть. Нет, ну сами посудите: если автомобилисты хоть и нарушают правила, то делают это, глядя вперед открытыми глазами и хоть с какой-то целью (ну там скорость, драйв), то те-то правил в большинстве своем вообще не знают, гаишников не боятся и вообще непонятно чем думают!

На четвертом году своего водительского стажа, уже хорошо чувствуя своего Буцефала, Владислав пришел к выводу: этих уродов надо учить! Делал он это так: неслышно подъезжал вплотную к какой-нибудь бабке, которая перлась через дорогу в неположенном месте, а потом изо всех сил давил на клаксон, который по мощности не уступал пожарной сирене. Итог был предreshен: бабка дергалась, как курица, которой только что отрубили голову, и в панике бежала к обочине. А он давил на газ и, визжа шинами, пролетал в нескольких сантиметрах от нее. В те дни, когда удавалась кого-то так проучить, он был в особенно хорошем расположении духа...

...В тот день такая бабка у него уже была – с самого утра подловил. Но когда возвращался домой, ему вновь повезло: пигалица-брюнетка (снег на дворе, а шапку не носит!) в каком-то несуразном комбинезоне с сумкой через плечо дернула через дорогу. Бесшумно подъехав, он ударил в клаксон. Но та почему-то повела себя необычно: обернувшись на звук, не дернула в сторону, а, сняв за чем-то сумку с плеча, бросилась прямо под колеса! А потом случилось и вовсе невероятное: лобовое стекло вдруг пошло трещинами и начало осыпаться мелким горохом. И только инстинктивно выжав сцепление-тормоз, он услышал звук удара...

...

В клубе свободного секса, вечеринки которого Катя посещала по пятницам, ее звали Бешеная Кэт. Прозвище это она носила вполне заслуженно: лет с пятнадцати Катя поняла, что город – это каменные джунгли, и научилась в них выживать. Каратэ, айкидо, потом «качалка» и кикбоксинг – это чтобы владеть телом и уметь за себя постоять в рукопашке. Строго отобранные любовники – чтобы были деньги и хата. Креативная работа – не только для денег, а чтоб мозги не засыхали. Ну секс-клуб – это для души, надо же где-то отдыхать... Подругам в клубе она говорила с гордостью: «Готовлюсь к нападению инопланетян – чтобы выжить даже после нашествия».

Для поддержания формы Катя ходила исключительно пешком: хоть сто метров, хоть десяток километров, поэтому зимой прочей одежде предпочитала теплый и удобный комбинезон. Ходить пешком ей доставляло удовольствие. Одна беда – машины. Эти вонючие уродливые изобретения цивилизации ее дико бесили. Правил эти уроды почти не соблюдают: норовят проскакивать на красный или вставать прямо на пешеходных переходах, загородив проход... Она долго терпела. А потом решила учить самых наглых. Для этих целей она носила в сумке бейсбольную биту: увидит, например, стоящего на пешеходном переходе, и – хрясь! – подфарника нет. И пусть стоит-моргает аварийками, сука – она уже далеко!

Как опытный пешеход, светофоры она начала игнорировать, поняв простую вещь: тот, кто всегда переходит дорогу только на зеленый, рано или поздно становится жертвой какого-нибудь обдолбанного лихача. А вот тот, кто светофоры игнорирует, но внимательно смотрит по сторонам, всегда сумеет оценить скорость и расстояние.

...Но этот – тварь! – специально подкрался неслышно. Вздогнув от звука сирены, в первую секунду она растерялась. Но тут же на смену растерянности пришла ярость. Уродов надо учить! Молниеносным движением выхватив биту, она ушла с траектории движения и со всех сил заехала ему в «лобовуху».

...

...Из двоих доставленных на «скорой» один оказался мужчиной: перелом ключицы, порезы на лице. Второй была девушка с вывихом плеча. Как водится, попали в соседние палаты.

Владислав (повязка на левом плече) курил, сидя на подоконнике под надписью «Курение строго запрещено» и зорко следил за тем, чтобы не засекала медсестра.

Катя (повязка на правом плече) неслышно подкралась сбоку и долго смотрела на него оценивающим взглядом. Несколько секунд на ее лице сменялись разные эмоции – от «врезать что ли по уху?» до «а ничего себе мужчик». Затем, видимо приняв какое-то решение, она наклонилась к его уху и резанула:

– Сигаретой угости!

Тот вздрогнул. Отпрянул. Удивился. Совсем сильно удивился.

Достал пачку сигарет.

Игнорируя его зажигалку, она достала свою, не торопясь затянулась, не рассматривая марку табака и наконец спросила:

– По жизни-то чем занимаешься?

Наглость этой девицы была такой непомерной, что Владислав оторопел. Из-за нее, мелкой сучки, он разбил «Буцефала» и попал в больницу. А она, как ни в чем ни бывало... На ее безобразный вопрос он решил ответить честно, но так, чтобы сразу отшить:

– Изучаю состав керна с Кольской сверхглубокой.

– Что изучаешь?

Этим простым вопросом она попыталась скрыть свое изумление. Но получилось вроде бы плохо. Чтобы как-то выкрутиться, ей пришлось разыграть из себя наивную дурочку.

– А правда что там бур уперся в алмазы?

Как и следовало ожидать, тот снисходительно улыбнулся, но любимого конька, конечно же, оседлал – начал рассказывать о бурении уникальной скважины, которая в то время была самой глубокой в истории человечества.

А она улыбалась и хлопала глазами, как школьница. И даже про себя тихонько мурлыкала. Единственный по-настоящему близкий ей человек – ее отец – был одним из тех геологов, которые начинали этот проект. Он, пахший терпким потом и табаком, садил ее, девчонку, на колени и рассказывал ей о том, что буровой снаряд может оборваться из-за пластического движения пород на большой глубине. И что на магнитофон можно записать совершенно невозможные звуки, которые доносятся из глубин Земли и так похожи на голоса мучеников из ада... После того как отец погиб, она мечтала поступить в Горный, но... Но выбрала каменные джунгли.

...Влад опомнился только тогда, когда она уже сидела у него на коленях. При всем желании он не смог бы вспомнить, как такое случилось.

А когда их поцелуй, который, казалось, длился целую вечность, наконец прервался, она очень нежно спросила:

– Посмотрим вместе анализы?

Смутившись, он отмахнулся:

– Да что там смотреть: даже не перелом, просто хорошая трещина...

Взглянув ему в глаза, она рассмеялась. Но продолжила еще более нежным голосом:

– Какой же ты все-таки идиот! Я про анализы минералов и горных пород из керна. Посмотрим вместе?

И здоровой рукой мягко вернула на место его отвисшую от удивления челюсть.

Про скрипачку

Александр Шорин

...Трудно найти место, где массы людей проявляют большее безучастие ко всему окружающему, чем переходы московского метрополитена. Если на улицах, особенно таких знаменитых, как Арбат, москвичи и гости столицы ещё могут остановиться и благосклонно послушать выступления уличных музыкантов, то в метро – никогда. Здесь нет людей, есть только человеческая масса, спешащая поскорее перейти с одной станции на другую... И всё же из этого правила появилось одно исключение.

Впрочем, взглянув случайно на худенькую и довольно невзрачную на вид девушку, никак поначалу нельзя было бы предположить, что именно она станет объектом повышенного внимания... Сняв платок и распустив по плечам свои черные волосы, она становилась красивой – это так, но самого по себе этого обстоятельства здесь, в этом человеческом муравейнике, достаточно разве что для беглого взгляда. Её скрипка, вынутая из потертого футляра, тоже не заслуживала никакого почтения: скрипка как скрипка, ничего особенного – здесь и не такое можно увидеть... Но вот в тот момент, когда она, слегка закусив нижнюю губку, начинала смычком брать первые ноты, люди, словно замороженные, начинали невольно замедлять шаги. Музыка, казалось, стекала с её смычка и плыла, кружилась. Заставляла то смеяться, то плакать, то смущённо улыбаться... Люди окружали девушку плотной толпой и слушали, слушали. Слушали! Временами её футляр наполнялся не только купюрами, но и слезами.

Потом она останавливалась, и окружающие тут же приходили в себя, разбегались по своим делам... Никого из них уже не волновала эта странная красавица, никто не задумывался о том, кто она, откуда здесь появляется и куда затем исчезает...

Абсолютное большинство этих случайных слушателей были бы донельзя удивлены, если б узнали, что она никогда в жизни не брала уроков музыки и не изучала нотной грамоты. Мало того: по-русски эта девушка говорила очень неохотно, предпочитая свой родной язык – чеченский.

Прошло уже два года с того времени как она вместе со своей семьёй приехала в Москву из пригорода разрушенной чеченской столицы. Это была очень скромная, любящая и послушная дочь. Весь свой немалый доход она отдавала отцу, предоставляя ему решать, куда потратить эти деньги.

В их семье женщинам было положено готовить еду, растить детей и не обсуждать решения мужчин. Поэтому, когда в один прекрасный день отец представил её какому-то юноше и сказал: «Это Беслан, твой будущий муж», она восприняла это как должное. Её, правда, несколько удивило, что муж провел с ней всего одну ночь и был груб, а после этого сразу исчез, но она ни единым словом не высказала ни ему, ни отцу своего недовольства. Ещё через месяц она узнала, что её муж погиб как настоящий герой и что она беременна...

Но самая странная вещь произошла с ней, когда пришла пора родиться ребёнку. Её забрали к себе две старухи и долго над ней колдовали во время схваток. А после родов, когда она, еще совсем слабая, хотела обнять новорождённого, ей в этом отказали.

Вместо этого совсем незнакомые чеченские мужчины показали ей трупы её родителей, изрешечённых пулями, дали их оплакать, а после надели на неё большой бандаж, имитирующий беременность, и попросили снова идти со своей скрипкой в переход метро. Она не спорила с ними, хотя из ее глаз катились слёзы. Она молча взяла свою скрипку и пошла.

Этот, последний её концерт, был самым необычным: первое же прикосновение смычка заставило толпу вздрогнуть и поселило в сердцах людей неясную тревогу. Затем необычная мелодия стала набирать силу, и тревога в сердцах людей переросла в страх, а затем в панику. И только когда переход оказался совершенно пустынным, девушка опустила смычок и сползла по стене, закрыв руками свое заплаканное лицо.

Страшный взрыв потряс стены, и его грохот покатился в обе стороны прощальным салютом, которого она уже не слышала.

Авось

Александр Шорин

Жил да был человек-крокодил и звали его Авось, а если по-простому, то Вася. Был он зеленый, чешуйчатый весь – таким уж уродился.

Мама у него была еврейка, папа – философ. Почему уродился он чешуйчатым, мама молчала, а папа молчал и подавно, потому что, увидев сына в роддоме, потерял речь, и с тех пор все свои философские изыскания проводил исключительно в письменной форме – запирался в маленькой каморке на чердаке и писал огромный фолиант, озаглавленный таинственно – «Изучение людей». Но это Вася потом узнал, когда читать научился, как и то, что странное имя – Авось – дал ему папа, написав записку маме. Впрочем, до поры до времени он даже и не знал, что зовут его Авось, потому что мама всегда, наперекор папе, звала его только Васей.

С самого детства человек-крокодил был очень добрым и больше всего на свете любил улыбаться. Проблема была в том, что когда он улыбался, то даже мама (а я вам напомню – это была еврейская мама, любящая и заботливая, из тех про кого сочиняют анекдоты: «Если ты встал ночью по малой нужде, а вернувшись увидел, что твоя постель уже аккуратно заправлена, значит у тебя еврейская мама») – даже его еврейская мама бледнела, закрывала глаза и начинала читать молитвы. И только папа любил, когда сын улыбается.

Когда же Вася немного подрос, и пришла ему пора идти в детский сад, то его улыбочка стала не только проблемой мамы: после того, как Вася улыбнулся заведующей, та наотрез отказалась допускать его к другим детям.

Проблему общения Васи с внешним миром решили так: папа, который ежедневно отправлялся гулять, стал брать с собой сына, предварительно надев ему повязку – типа от гриппа, и под повязкой Вася мог улыбаться сколько ему влезет. Иногда он даже отпускал его играть с другими детьми, тщательно, правда, следя за тем, чтобы тот не снимал повязку...

В школу его тоже не взяли – предложили интернат, но мама отказалась. А чтобы у сына был учитель, наняла ему слепого. Слепой оказался из бывших моряков и очень пьющим, но при этом к своим обязанностям относился серьезно: если Вася занимался плохо, давал ему под-

затыльники. Вася терпел и все равно улыбался, но однажды, не выдержав, взял и слопал учителя – все-таки он был крокодилом. Мама за это на него очень рассердилась и перестала отпускать его гулять с папой, со словами: «Вдруг ты и там кого-нибудь слопашь». Вася загрустил, но ненадолго: слепой успел научить его читать, а так как книг в доме было много, то с тех пор у него всегда было чем себя занять.

Шли годы, и однажды, когда Вася стал уже большим, то, когда папа гулял, то он, нарушив запрет, проник в его каморку и стал читать фолиант «Изучение людей». Тут-то и оказалось, что папа его – тоже крокодил, который родился на планете крокодилов, а на Землю его прислали писать научный труд по изучению людей. Естественно, ему сделали операцию, чтобы он был похож на человека, а здесь он встретил его маму, которую очень полюбил. А когда мама захотела от него ребенка, то он ей сказал, что ребенок может родиться похожим на крокодила. На что мама ответила: «Авось будет похожим на обычного ребенка». Поэтому, когда родился Вася, папа ему и дал имя – Авось.

Так Вася узнал, что он – крокодил, и имя его – Авось, а не Вася.

А еще папа писал очень странные вещи. Например, о том, что люди постоянно говорят совсем не то, что думают – это называется «ложь», и постоянно думают о том, что скажут про них другие. Что они вечно недовольны своими правителями, которых сами же выбирают, что считают неприличным свой способ размножения... И всякое такое прочее.

Но все это Васе показалось не очень интересным, по сравнению с тем, что он узнал о себе. Оказывается, от него столько лет скрывали такую важную тайну!

Пошел он к зеркалу, посмотрел внимательно. Так и сяк. Улыбнулся. И загрустил, потому что понял: тяжело быть не таким, как все.

Он и раньше догадывался, что что-то с ним не так, а теперь убедился в том, что это действительно большая проблема.

И тут он понял: дальше нужно жить самому, потому что так разозлился на папу с мамой, что может и их тоже слопать, как слопал слепого моряка.

Вышел он из дому и пошел куда глаза глядят...

А глаза у него слезились, и поэтому по сторонам он не смотрел, а шел все прямо, пока не уперся в большую бетонную стену. Тогда он свернул и пошел вдоль этой стены, пока не уперся в какую-то будку, на которой было написано «КПП». В будке скучал молодой человек в пятнистой одежде, который при виде его, тут же убежал, крича что-то нечленораздельное.

Вася устал, поэтому занял место этого человека. Сел и впервые в жизни дал волю слезам, которые оказались огромными, потому что были крокодильи. А наплакавшись вдоволь, уснул, утомленный.

Между тем, возле будки начался переполох: пятнистые люди бегали туда-сюда. Потом самый здоровый и видимо самый храбрый из них зашел внутрь, чтобы разглядеть спящего.

Посмотрел. Крякнул. Выругался.

А Вася в это время улыбнулся во сне и сладко зевнул, показав зубы.

Здоровый вздрогнул. Отступил. И, наконец, сказал с восхищением:

– Вот это рожа!

Потом почесал бритый затылок, и вынес вердикт:

– В казарму его, ребята. И не из таких людей делали!

Так Вася нашел свое счастье: дослужившись до старшины, он получил возможность улыбаться каждый день и начальство было им очень довольное – показатели по части строевой подготовки у его солдат всегда были лучшими в части.

Говорят, прочили ему карьеру, да он отказывался – ему и так хорошо было... Он по-прежнему любил читать и даже вступил с папой в переписку, которую тот потом внес в свой

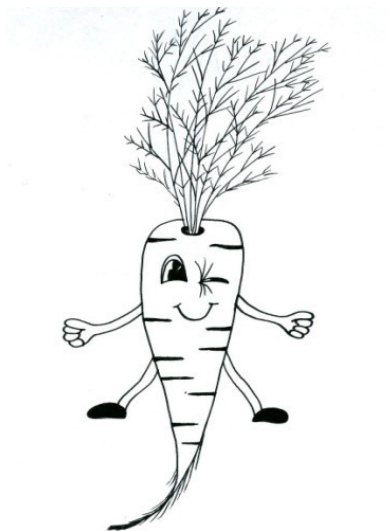
фолиант как главу под названием «философский диспут». В нем сын пытался доказать, что даже рожденный крокодилом может стать настоящим человеком.

...Впрочем, спустя много лет, когда на Землю высадились первые корабли с планеты крокодилов, оказалось что и у нас крокодилов куда больше, чем казалось по внешнему виду. И лишь он один, обладая внешностью крокодила, остался настоящим человеком.

Но это уже другая история...

Сказка про морковку

Александр Шорин

Вы когда-нибудь видели много моркови? Не просто много, а **ОЧЕНЬ МНОГО**? А я видел!

Стоишь, а там, куда ни глянь, всюду морковь. Море моркови, океан моркови. Целые морковные джунгли. Наверное, если всю её выкопать, получится сто тысяч тонн морковок. Или даже миллион тонн. Наверное, из неё можно построить целый дворец и объявить себя Морковным Императором...

Один совсем небольшой морковёнок, живущий в этих джунглях, на вид совсем такой же, как и все другие морковята, очень хотел почему-то совсем необычной судьбы. Ну что, думал он, будет со всеми этими моими соседями-морковками? Наверное, их вырвут и съедят. Или, например, они размножатся и сгниют – если их никто не вырвет. А он, морковёныш, хотел чего-нибудь особенного. Правда, ничего для этого конкретного сделать он не мог: только молча молился он об этом своему Морковьему Богу.

Однако иногда так бывает, что для того, чтобы сбылась самая-самая заветная мечта нужно совсем немного, может быть даже самую малость. Нужно очень этого захотеть. Морковёнку повезло: его действительно ждала совершенно необычная судьба. Зимой, когда намело много снега, он стал носом у огромного пузатого снеговика. Красным и красивым. Глядя на этот нос, все прохожие улыбались, а морковёнок тихо радовался...

...А в городе Рязани жил мужик с усами. Такими длинными, что был похож на таракана. Звали мужика Иваном.

Была у Ивана мечта в жизни: хотел он в Австралию. Вот так вот, понимаете, жил-пожил и вдруг однажды понял: без Австралии – не жизнь. А был он мужик решительный: долго не раздумывал – собрал пожитки, деньги какие были, и двинулся из Рязани в края чужедальные.

Долго шёл: прошёл Урал, потом Сибирь, к весне добрался до Тихого океана. Тут остановился: по океану-то ведь не пойдешь. Спрашивает людей: как, мол, через океан? А ему говорят: чтобы через океан, нужно волшебный документ – «загранпаспорт» называется, а ещё нужно

много денег. Пригорюнился мужик: «загранпаспорта» у него не было, да и деньги все повышли. Как быть?

Один дядька ему и говорит: а ты в матросы пойдёшь на какой-нибудь корабль – корабли тут у нас везде плавают, глядишь и попадёшь в свою Австралию. Обрадовался мужик и пошёл в большой город на холмах. В этом городе есть большой порт, а в нём – много кораблей. Подошел он к одному, что ему приглянулся, и спрашивает, не нужен ли им матрос. А его спрашивают в ответ:

– А чего делать умеешь?

– Могу палубу драить.

– А ещё чего?

– Могу и не драить.

Засмеялись они и говорят:

– Свой человек, возьмём его в матросы.

Так взяли его в матросы на корабль. Одна беда только: ни в какую Австралию этот корабль не собирался: всё больше рыбу у японцев тибрить.

Вы спросите, что такое «рыбу у японцев тибрить»? Я вам отвечу, потому что случайно знаю. Это морское выражение, которое означает немного не то, что кажется вначале. Вы, наверное, думаете, что этот корабль заплывает в воды Японии и там рыбу ловит – ихнюю, японскую? А вот и нет. Он – как бы это выразиться? – тибрит стибренное! Ещё непонятнее стало? А я вам объясню! Это наоборот японцы рыбу тибрят: свою всю повыловили, вот чужую и тибрят, а этот корабль тибрит её у японцев. Так понятнее? Непонятнее? Ну, точнее не знаю.

Знаю только, что так долго Иван эту рыбу у японцев тибрил, что его (за его усы) решили уже боцманом сделать. Но тут Иван вспомнил про Австралию. Проснулся поутру и думает: буду теперь всю жизнь у японцев рыбу тибрить и не увижу Австралии... Отвязал он шлюпку корабельную и поплыл по океану.

День плывет, два. Неделю плывет. Кончилась у него еда, кончилась вода. Чайки ехидные кружат: клюнуть норовят. В общем, грустно всё. Вдруг видит: остров.

Высаживается и удивляется: кругом бананы и кокосы на пальмах: просто джунгли какие-то. Ну, он довольный: попил, поел и спать завалился.

Когда проснулся, видит: корабль плывет. Он забрался на пальму, снял с себя рубаху и стал ею махать. Увидели его с корабля, подплыли поближе и кричат:

– Ты чего сбежал? Пошли дальше у японцев рыбу тибрить!

Ну, он и пошел. Что ему было делать?

Дальше про Ивана я ничего не знаю. Думаю, он и сейчас плывет в свою Австралию. Однако знаю то, что приключилось на острове, чего сам Иван вовсе и не знает. Когда он, сидя на пальме, махал своей рубашкой, из неё выпало ма-а-а-ахонькое семечко, неведь как туда попавшее. Семечко было морковным. Оно выросло и дало новые семечки, которые тоже выросли. Понравилось им тут расти. А так как на острове совсем не было грызунов, то через много лет не стало тут ни пальм, ни джунглей: одна только морковка. Целый Морковий остров. А среди всей этой тьмы моркови был один маленький морковыш, который очень хотел необычной судьбы...

Вы спросите, как он попал туда, где снег, и стал носом у снежной бабы? А все очень просто: это я его туда привёз.

Шафт

Александр Шорин

По земным меркам мой приятель с Тарахири безобразен настолько, что рядом с ним даже Квазимодо показался бы писанным красавцем. Насколько я помню, у Квазимодо один глаз закрывала огромная бородавка, и он был горбат. Мой приятель имеет на своем, с позволения сказать, лице, штук пятьдесят безобразных бородавок, чудовищно изогнутый нос (кажется, две ноздри торчат из какого-то углубления) и рот такой величины, что он может спокойно целиком глотать апельсины или яблоки средних размеров. Из этого рта торчат во все стороны кривые клыки, чистить которые на Тарахири не позволяет религия, а поэтому они почти чёрные. Горба у него нет, зато он настолько толст, что кажется поперёк себя шире, что при его двухметровом росте не так-то просто. В Россию он приезжает исключительно за закупкой самой дешевой водки, которую потребляет в количествах, для человеческих существ абсолютно невообразимых: например, за сегодняшний вечер, по моим прикидкам, он выпил уже литров тридцать, причём на его состоянии это никак не сказалось. Если к этому добавить, что голос у него рыкоподобный, а наш язык он изучал по словарю русского мата, составленному еще в конце XX века, то несложно себе представить, что с друзьями у него здесь некоторый напряг.

Я – исключение, потому что знаю, что тарахирец (имя его состоит из 77 согласных, потому выговорить его нет никакой возможности) – милейшее существо. Я однажды спас его от проблем, связанных с оптовыми закупками водки (тот умудрился поссориться с мафией, контролирующей этот рынок), и с тех пор он меня просто обожает.

История, о которой я хочу рассказать, произошла вот в этом самом баре. Приятель сидел напротив меня за этим самым столиком и поглощал все, что горит, рассказывая мне о том, что спиртное (в переводе на русский) «приятно щекочет ему внутренности». Я был уже расслаблен, и чёрт дернул меня за язык спросить его о том, много ли он зарабатывает на перепродаже водки. Удивлению тарахирца не было предела: оказалось, что водка – это его хобби, и закупками ее он занимается исключительно для личного пользования и угощения избранных друзей. Я спросил, чем же он занимается на своей планете.

– Шафтом, – ответил он скромно.

Теперь удивляться была моя очередь. Коллеги из аналитического отдела рассказывали легенды об этом самом тарахирском шафте. Насколько я помню из этих разговоров, шафт – это нечто среднее между предсказаниями и анализом. И если верить им, шафт дает куда более высокие результаты, чем любой продукт земных аналитиков. «Ноу-хау», недоступное землянам.

Я сглотнул слюну и выпил рюмку водки. Тарахирец в ответ опрокинул в свою глотку литровую кружку и спросил:

– Интересуешься?

Я кивнул и выдал первое попавшееся:

– У меня тут с женой... это. Семейные проблемы. Не мог бы ты помочь как-то с ними справиться?

– Почему нет? – спросил тот и тут же ухватил своими ручищами меня за голову. Шея у меня хрустнула, а тот зарычал: – О жене думай!

Сначала всё поплыло перед глазами, а потом я действительно начал думать о жене: о том, какая это была красавица и умница, когда мы познакомились, и вплоть до сегодняшнего дня, когда утром в меня едва не полетел чайник из-за какой-то мелочи.

...Лапы отпустили меня. Приятель хрюкнул удовлетворённо и заявил:

– Вероятность развода 55 процентов, убийства – 15 процентов, самоубийства – 7 процентов...

– А хороших вариантов нет? – пискнул я испуганно.

– Разве развод не хороший вариант? – удивился тот. – Вероятность полной гармонии две десятых процента. Вот смотри.

Он достал из кармана куртки жидкокристаллический блокнот и начал ногтем чертить в нем какие-то схемы, бормоча:

– Дерево вариантов сначала дает четыре ветви, затем 765 ветвей, затем три миллиона шестьсот тысяч ответвлений, затем...

– погоди, погоди! – остановил я его, хлопнув ещё рюмашку. – Нельзя ли сразу тот вариант, который ноль два процента?

– Почему нельзя? Можно. Для этого нужно...

Дальше шло доскональное описание того, что я должен делать и чего делать не должен. Я только кричал и спрашивал время от времени:

– Во вторник, тридцатого, я должен проснуться в 7.30 и, уходя на работу, завязать шнурок только на левом ботинке... Да?

– Именно! Если завяжешь на обоих ботинках, начнёт действовать вариант миллион сто двадцатый, из которого будет ветвь...

– Не надо ветвь, я понял!

...В общем, для достижения искомого блаженства в личной жизни я должен контролировать не только буквально каждую минуту своего бренного существования, но и регулярно проводить корреляцию поступков в случае малейшей ошибки. Осознав сие, я перешел на русский матерный и только спустя несколько минут спросил у него нормально, по-человечески:

– Ты сам-то этим пользуешься?

Тот посмотрел на меня как на идиота:

– Нет, конечно!

– А... зачем тогда?

Тот многозначительно посмотрел на свою пустую кружку, наполнил её водкой, опрокинул и сказал медленно:

– Водка для меня – хобби, и я плачу за то, чтобы у меня её было в достатке. А есть те, для кого хобби – шафт. Они платят мне. Усёк?

– Усёк... – ответил я медленно.

И твёрдо решил никогда не рассказывать об этом разговоре нашим аналитикам.

Солидарность

Александр Шорин

Было жарко. Матвей остановил велосипед, чтобы смахнуть капли пота с большого, мясистого лица. Вытер руку о живот, прикрытый футболкой, и, достав телефон, сверился с картой. До нужной пятиэтажки оставалось еще три квартала. Тихо выругавшись, он неуклюже продолжил движение – левая его рука в гипсовом лубке здорово мешала. Время от времени он мысленно баюкал ее, успокаивая боль, словно младенца, невольно вспоминая свое неудачное падение во время велоэкстрима. Хорошо бы сейчас уже быть дома, Боня обещала свининку, – подумалось ему, но он отогнал эту мысль: деньги с неба не падают, а заказ, хоть и пустяковый, пропускать нельзя.

Сжав зубы, он надавил на педали.

Лицо скромной женщины в простом домашнем платье, которая открыла дверь, показалось ему смутно знакомым – словно видел где-то ее фотографию или на видео. Секунду вспоминал, но, так и не вспомнив, отступился.

Голос у женщины был тихий, манеры – заискивающие.

– Проблемка совсем небольшая, молодой человек, – шелестела она, улыбаясь одними губами. – У меня дочка – подросток, слишком много времени проводит в Сети. Нужно поставить пароль, который буду знать только я. Вы понимаете, сама я не смогу. Конечно, могла бы попросить кого-нибудь из знакомых, но лучше, если это сделает чужой человек. Моя Зоя, она...

Матвей не стал дослушивать: буркнул что-то, типа: «Конечно-конечно», согласился на кофе, и прошёл в небольшой кабинет, где был установлен терминал. Ему не улыбалось, что благодаря его вмешательству девчонку перестанут пускать в Сеть, но желание клиента, как известно – закон, а сама девчонка наверняка несовершеннолетняя...

С другой стороны – работы на пять минут, а деньги, как известно...

...Она вошла бесшумно. И впрямь подросток – лет двенадцать, не больше. Тощая, с пучком светлых волос, вздёрнутых двумя косичками и очень похожая на маму. Все то же заискивающее, почти скорбное выражение лица. И только в глазах – зеленых, прищуренных, словно у кошки, готовой к прыжку, блестело что-то непонятное. Посмотрев на нее ошарашенно, Матвей поздоровался, и вдруг понял, что... возбуждился. Ему стало так неудобно, что он вспотел ещё больше и смущенно отвел глаза.

Но от тощей оказалось не так легко отделаться.

– Ты кто? – спросила она.

Голос у пигалицы оказался хриловатым, почти мальчишечьим.

– Матвей, – ответил он и попытался улыбнуться, но это почему-то не получилось. Он покосился на свои брюки, слегка оттопырившиеся в том самом месте, и понял, что совершил ошибку: она тоже быстро бросила туда взгляд, и двух мнений быть не могло – поняла его проблему.

Быть того не может, она же еще совсем ребенок....

Пока он копался в себе, вспоминая старика Набокова, она продолжила допрос:

– Зачем пришел?

– Чинить.

– Сама умею, – отрезала та. – Зачем *она* тебя вызвала?

В этом «она» было столько оттенков чувств, что впору было бы писать монографию, будь он психиатром... Он был простым системщиком, пришедшим немного подхалтурить, но даже его проняло.

– Попросила запаролить, – сдался он и покосился на дверь кухни, где уже слышен был звук закипающего чайника.

Глаза девочки стали совсем узкими, словно две щелочки, и она губами вытолкнула в него слова, словно дикарь, выплевывающий сквозь трубку ядовитый шип:

– Мне скажешь?

Он покачал головой и вновь попытался улыбнуться. И снова – неудачно.

И тут дверь кухни начала приоткрываться, послышался уже знакомый заискивающий голос:

– Черный или со сливками?

– ...ливками, – отозвался он эхом, и в этот момент почувствовал на своей единственной здоровой руке совершенно не по-детски сильные маленькие пальчики.

– Я тебе вторую руку сломаю, с-сука, – выдохнула она, оголив зубки, отчего стала напоминать маленького, но очень опасного хищного зверька... но тут же вдруг ослабила хватку и отвалилась – мягко, безвольно, словно вся сила ее разом куда-то пропала. Матвей повернул голову и понял в чем дело: это мама вышла их кухни с подносом, на котором была кружка кофе, сахарница и вазочка с печеньем.

– Зойка, ты чего здесь крутишься? – шикнула она на девочку. – И та, словно кошка, пойманная за поеданием колбасы со стола, шустро шмыгнула куда-то и пропала, словно и не было.

Голос женщины тут же смягчился, вновь став заискивающим. Извиняющимся тоном она проворковала тоном взрослого человека, обращающегося к другому взрослому:

– Беда с ней – совсем не отлипает от машины. Книжки даже читать перестала... Еще немного – тройки из школы начнет приносить...

Матвею стало противно. Сердито глотнув кофе, он обжег нёбо и, быстро набросав на клочке бумаги логин и пароль, попросил проверить работу. Та улыбалась, близоруко шурилась и норовила обжечь не совсем чистым дыханием. Через пару минут Матвей понял, что еще немного – и он кого-нибудь убьет, прямо сейчас...

Но вместо этого он, конечно, долго благодарил за мятую купюру, улыбался (на этот раз получилось), и даже вроде бы немного отлегло... Но уже когда уходил, стукнуло решение. И он сразу, чтобы не передумать, выдохнул, словно в прорубь бросаясь:

– Можно я еще в туалет загляну?

И там, сидя на унитазе, он, уже осознавая, что делает, вырвал из блокнота крошечный листочек и бисерным почерком написал логин-пароль. Потом скатал бумажный шарик, и только тут задумался – как передать? Так и не придумал, разозлился на себя еще больше, да так и вышел, катая этот шарик двумя пальцами.

...Зоя появилась тенью за спиной мамы, когда он уже выходил за дверь. И снова без всяких размышлений, на чистых рефлексках, он пустил этим шариком пас – прямо между ног мамы, которая так ничего и не заметила.

И уже отстегивая велосипед, он услышал вновь ее голос – на этот раз из форточки:

– Мила! В Сети мое имя – МИ-ЛА! Спа-си-бо!

– Пожалуйста, – буркнул он под нос, и только теперь вновь вспомнил о свининке – от черного кофе только сильнее забурчало в животе, а черствое печенье он ненавидел с детства.

Слишком идеален

Александр Шорин

Сняв пальто, Молодой, такое ощущение, оставил на вешалке и свою лучезарную улыбку – тут она была не нужна, и тут же стал значительно старше. Старый взглянул на него снисходительно – он давно был выше и дежурных улыбок, и даже пиджаков: засаленный халат, сигарета в уголке мягкого рта.

– Проблема? – этот вопрос сразу заключал в себе утверждение, поэтому молодой просто кивнул.

Немного суетливо прошел к гигантской «плазме», вставил флешку.

– Сам взгляни.

Минут двадцать они сосредоточенно смотрели видео, временами нажимая паузу, прокручивая куски и обмениваясь короткими фразами.

Наконец, Молодой не выдержал – нажал «стоп», и человек на экране, которого они так тщательно рассматривали, окончательно замер.

– На видео все не увидишь. Знаешь, какая у него машина? Ламборджини! А запонки? Они настоящие! Этот парень просто набит деньгами. И куда он приходит? Ко мне, на дешевые курсы пикапа, где я учу молоденьких лохов, как правильно завалить девочку в постель. Да за такого как он, по идее, девочки волосы должны драть друг другу, выстраиваясь в очередь...

Старый жестом руки остановил этот поток слов. Прикурил от окурка новую сигарету и, посмотрев внимательно на ученика, спросил:

– И как? Не выстраиваются?

– Не то слово! Полевую практику он провалил с треском. Я вообще такого не припомню в своей практике: женщины обтекают его, словно неодушевленный предмет. Он им интересен не больше, чем фонарный столб!

– Та-а-ак, – Старый сузил глаза, сверля Молодого взглядом. – И почему это происходит? Твое мнение?

Молодой развел руками. Такое впечатление, что еще чуть-чуть – и расплчется.

– Ну не знаю я! Он... Он...

– Ну. Он?

– Он слишком идеальный! Ну понимаешь: ботиночки у него сверкают, рубашка белоснежная... Речь, даже запах... Да что там запах, он весь – словно манекен с витрины. У него, такое ощущение, даже прыщика быть не может. Такое впечатление, что, приходя домой, наверняка, в такую же шикарную, как он сам, квартиру, он подзаряжается в соседней розетке, рядом со своим айфоном, вместо того, чтобы спать...

– А экспресс-свидания? При непосредственном контакте?

– Ну это вообще ужас! Он пытается быть обаятельным: популярно рассказывает о кластерной экономике...

Тут Старый не выдержал: начал смеяться.

– Ну прямо робот Эр-два-ноль. Без паники, маэстро. Деньги-то он ведь платит?

– Ну конечно...

– Бери деньги и не заморачивайся.

– И это... все?

– Все. Свободен.

– Но...

– Никаких «но». Ты знаешь, у меня график. Дои корову и не парься. Иди. И не забудь надеть свою улыбку, тебе идет.

...Когда Молодой ушел, Старый еще долго крутил туда-сюда видео на забытой флешке, а затем зевнул и потянулся за телефоном.

– Седьмой? Первый говорит. Девятого снимай с серии. Испытания не прошел. Опять переборщили... Ур-р-оды.

...Молодой был не прав: от розетки рядом с айфоном Сергей Александрович, конечно же, не подзаряжался: его мини-реактор не нуждался в таких глупостях – он просто закачивал обновления, маскируя этот процесс под занятия йогой, когда в его квартиру (и правда – шикарную) ворвались чистильщики.

Старый, наблюдая за этой сценой по «плазме», саркастически хмыкнул:

– Напланировали опять... Кибернетики хреновы. Сколько раз говорить: идеальных нам не надо! Пусть хамит, пусть пахнет, пусть курит. Будет хоть на человека похож...

И пошел писать отчет.

Велосипед

Александр Шорин

Как так получилось, что Стасья – существо столь же очаровательное, сколь и безалаберное – решилась на одиночный велопробег Пермь-Екатеринбург, она и сама понять не могла. Как частенько бывало в ее жизни, все получилось само собой: человеку, приехавшему на байке в Пермь, вдруг надо стало срочно в Москву, и велосипед понадобилось доставить в Екатеринбург. А ей как раз надо домой... Срослось, в общем.

...Вот только никто ей не объяснил, как начинают с непривычки болеть ноги, когда начинаешь наматывать километры трассы на педали. И вот, где-то на середине пути, когда, наглотавшись уже вдоволь июльской пыли и проклиная байкеров вместе с ихними байками, она присела отдохнуть у обочины и обдумать, наконец, плачевность своего положения, вдруг послышался звук, будто катили железную бочку. Несколько минут – и из-за поворота показалось чудовище о двух колесах, на котором восседал мужичок в затрапезном кепи. Звук издавали колеса без шин, скрежетавшие по асфальту. Машины замедляли движение, чтобы получше рассмотреть диковину.

«Вот это штука!» – подумала Стася и помахала коллеге-велосипедисту рукой.

Тот, поравнявшись с ней, охотно спрыгнул со своей чудо-машины (та издала жалобный стон) и зачем-то снял с головы картуз. Оказалось, что, несмотря на редкую бороденку, это совсем молодой парень. Куртка, джинсы, а на ногах...

– Лапти это, – разувлябался он вместо приветствия. – Сам плел. Я вообще-то рукастый... Нравятся?

– Конечно, нравятся, – Стася уже и про усталость свою забыла: не каждый день такое увидишь, а она как никто умела ценить все необыкновенное.

А необычного велосипедиста и звали нестандартно: Артамон.

– Я из Суксуна, – рассказывал он охотно. – Велосипед? Нет, не раритет – сам сделал, по прадедовским чертежам. В Екатеринбурге-то, говорят, памятник открыли нашему с таким же вот лисапедом. Хочу поглядеть...

Слово за слово – стали попутчиками. И выяснилось, что старинный «лисепед» Артамон мастерил не просто так.

– Изобретатель – мой прямой предок, могила его у нас, в Суксуне – старый крест и изображение самокатной машины. Мы его прячем от местных краеведов, никакого сладу с ними...

Скоро Стася поняла, о чем рассказывает ее новый знакомый. История, в общем, известная: на рубеже XIX века уральский крестьянин и механик Ефим Артамонов смастерил двухколесную машину – прообраз нынешнего велосипеда, совершил на ней автопробег в Москву, за что получил вольную от самого императора... Беда в том, что историки так и не смогли найти документальных свидетельств не только изобретения, но и личности самого Артамонова, в конце концов придя к выводу, что все это – не более чем мистификация.

– Я знаю настоящую историю, – сообщил Артамон доверительным шепотом, когда они в очередной раз присели отдохнуть.

И добавил, уже совсем тихо и торжественно:

– Семейная тайна.

По его версии и впрямь не было никакого Артамонова, а был Артамон Кузнецов, верхо-турский крепостной мастеровой. И еще был велосипед, а вернее самокат. Артамон его придумал, а батя-кузнец помог смастерить.

– Вот именно такой, – он махнул рукой в сторону своего железного коня. – Я только педали приделал для удобства...

– А в Москве-то? В Москве-то он был?

– Велосипед – был. Но только без Артамона.

– Как так?

– Да так... Барин его, заводчик, приказал изобретателей бить плетью за расход ценного металла не по назначению, а лисапед забрал. И сам повез в Москву...

– И?

– И все. Не видали тут больше ни барина, ни лисапеда. Артамон с отцом сбежали сюда, в Суксун – от греха подальше. Жили себе, работали на кузне и мастерили, конечно, но уже тайно, потихоньку... Я так думаю, что немцы сперли наше изобретение вместе с барином. Немцы они такие... – он покосился на Стасин велосипед фирмы «Anlen».

– А от краеведов-то вы почему прячетесь? – не поняла Стася.

– Да... – Артамон отмахнулся. – Одни беды от них... Вынюхивают...

– Ну так и что, пусть вынюхивают. Надо все рассказать. Чтобы правда...

– Тсс..., – оборвал он ее. – Где краеведы, там и власть. Глядишь, снова до немцев дойдет.

Опять сопрут...

– Да что сопрут-то?

– Что-что... Машина времени у нас в голбце. С отцом сделали. Думаем вот теперь: выпрут нас за нее или нет?

Время стервы

Александр Шорин

Я понуро шел по размокшей от мартовской грязи улице, и в голове стреляли маленькие салюты: злость, смешанная с отчаяньем и безумным любопытством...

Была пятница, и еще несколько минут назад я торопился домой: на ужин жена обещала блины, а на полке, только что закачанная в айпад, дожидалась новая книга. В общем, вечер обещал быть спокойным и тихим, как мягкие тапочки. И все это тихое спокойствие было нарушено очень коротким телефонным звонком: жена сказала всего одно слово: «Договор» и тут же отключилась.

Беситься, в общем, было бесполезно: договор есть договор. Перезванивать, в общем, тоже: сразу после звонка телефон она отключала – проверял уже... Тем не менее я, ясное дело, бесился.

А ты бы на моем месте?!

Странный этот уговор-договор мы с Лизой заключили, когда я предложил ей пойти в ЗАГС. А до этого были бесконечные месяцы ухаживания.

Ей-богу – славная девочка, но странная. Да что тут крутить – влюбился-то я с первого взгляда, да прям по Булгакову: ножом под сердце, обухом по голове. Увидел только фигурку эту точеную, лисью ее мордашку с родинкой на левой щеке, голос ее звонкий услышал – и все, пропал. А когда разглядел походку: идет, и вроде бы танцует – то окончательно обалдел. А главное где увидел – вот ни за что не поверите! – в библиотеке. Это в наше-то время, когда Гугл рулит, а молоденькие девушки максимум на что способны, так это досмотреть до конца какой-нибудь фильм, да и тому предпочтут ролики в Ютубе... А эта, понимаете, сидела и скромненько так читала «Характеры» Теофраста – старенькое такое издание. Не удержался я тогда, тихо так сказал: «Болтливость – если угодно дать ей определение – это, скажем, невоздержность в речи». Подняла она глаза – два огромных зеленых омута – и ответила, тоже тихо, но очень отчетливо: «А болтун вот какой человек...», указала на меня тонким пальчиком и засмеялась – переливчато так, колокольчиком. Тут-то я и пропал...

...В кафе – легко, в кино – запросто, на дискотеку – почему бы и нет? Все что угодно, кроме личной информации. Лиза – и все тут. За месяц знакомства даже не выяснил, где она живет. Общаемся, веселимся и – вдруг! – «Мне пора, пока», и будто не было ее. Позвонить ей можно хоть ночью, смс-ками – хоть рассказы пиши: ответит. Красота, образованность, манеры.

Однажды, купившись на теплоту в голосе, попробовал поцеловать. Посмотрела удивленно:

– Уверен, что тебе это нужно?

Кивнул: уверен.

– Не уверена, что это нужно мне, – залихватский смех. – Мне пора. Пока... любовник.

Еще через месяц, вконец измученный и заинтригованный, я предложил пойти в ЗАГС.

Посмотрела на меня – внимательно так, словно увидела впервые. Покрутила тонкими пальцами прядь своих светлых волос.

Подумалось: скажет сейчас, что я совсем ее не знаю, а она не знает меня... Ничего подобного!

– Я буду прекрасной женой, – сказала она серьезно, но как-то задумчиво – будто и не со мной разговаривала, а сама с собой.

И вдруг выпрямилась стрункой. Спросила:

– Значит любишь меня?

Нет, даже не спросила. Сказала это как утверждение.

Но я, конечно, закивал, начал что-то говорить возбужденно...

– Хорошо, будь по-твоему. Только я хочу, чтоб ты знал: для меня это очень важный шаг...

Я снова что-то начал говорить, но она мягко взяла меня за руку и продолжила цитатой из Теофраста:

– И пока собеседник отвечает, болтун перебивает его...

А когда я замолк, сконфузившись, продолжила с мягкой улыбкой:

– Я приду к тебе голой. Ни родственников, ни друзей, ни документов. Имя только... Имя оставляю. И – никаких расспросов о моем прошлом, хорошо?

– Конечно, я...

– И – главное! – договор: что бы ни случилось, если я тебе звоню и говорю слово «Договор», то ты должен на сутки исчезнуть из моей жизни. Не искать встреч, ни о чем не спрашивать. Могу поклясться, что это не будет часто.

Никогда раньше не слышал ни о чем подобном...

...Брел я, и мокрая снежная каша хлюпала у меня под ногами. Я знал, что дома меня ждут обещанные блины – понятно, уже остывшие – и холодная одинокая постель...

Лиза оправдала самые смелые из моих ожиданий. Она стала не просто хорошей женой. Можно сказать идеальной: дома она как гейша могла угадывать малейшие мои желания. Как-то выправила себе документы (я знал, что они поддельные, но не совался в это дело), стала работать переводчиком (сразу с нескольких языков) и очень хорошо зарабатывать. Мои друзья стали ее друзьями и порой казалось, что даже мои мысли – ее мыслями. Вот только...

Вот только этот проклятый договор!

...Если идти до дома пешком через весь наш огромный мегаполис – это часа два, не меньше. Пройдя километров пять, я устал, продрог, но так и не успокоился. Зашел в первое попавшееся кафе. Заказал чашку кофе, какие-то бутерброды, закурил.

Совсем незнакомое было кафе. Незнакомое и очень странное. Будто в другое измерение попал: официанты – во фраках, а официантки – в передниках прямо на голое тело и все – как подбор – стройные красавицы. Как будто частный клуб или элитный ресторан для избран-

ной публики. Музыка – тихим фоном, на танцполе – смуглые девушки змеями извиваются. И как меня пустили сюда: в грязных ботинках, в джинсах, в свитере моем потертом? Я был так поражен, словно зайдя в деревенский сортир, оказался вдруг в ватер-клозете гостиницы «Хайят»... Разволновался, засмотрелся... Но успокоился понемногу: тоже я не лыком шит, много где бывал, просто вот так неожиданно...

И... Расслабился. Где наша не пропадала? Заказал еще кофе, коньяк, да и стал смотреть с удовольствием на танцпол. А там змей уже сменили негритянки, охотно демонстрировавшие свои большие черные груди.

А потом... Потом на сцену вышла Она. Вся в белом и прозрачном, вот только волосы почему-то синие. Вышла, и сразу ясно стало: и змеи эти, и прочие негритянки ей и близко в подметки не годятся – прима.

Смотрю на нее во все глаза, а кто-то во фраке шепчет в ухо: «Эта девушка желает с вами приват, пройдемте вон туда, за ширмочку». Берет меня под локоть аккуратно и ведет... Показывает неприметную дверцу...

И... снова я в каше снежной пополам с грязью, только вот метель началась и – город почему-то незнакомый. А еще: щека горит – то ли от поцелуя, то ли от удара. Не помню.

И имя свое не помню. И знакомых у меня больше нет. И истории моей личной тоже... Все, что помню: Теофраст, «Характеры».

Почему-то такая цитата: «А трус вот какой человек...»...

Про голову вампира, фаршированную чесноком

Александр Шорин

Первый раз Зоя получила по зубам от своего мужа Николая на следующий день после того, как они сошлись. Буднично это было: вечером, сядя есть борщ, он поморщился и ударил ее по губе, которая мгновенно распухла. В этом его действии не было злобы: примерно так же походя он хлопнул бы комара на шее. Борщ не был даже пересолен – просто он показал ей, кто в доме хозяин.

Она поняла это. И не обиделась. Но есть рядом не стала, хотя поставила тарелку и себе тоже. Осталась прислуживать. И больше никогда не ставила себе тарелку.

Она вообще всё поняла. Почему свадьбы у них не было, даже комсомольской. Почему он, такой красивый – усатый и с шашкой – выбрал именно её, сироту из убогой деревни, бросив брату (главному в семье) в качестве калыма мешок картошки.

Чего тут не понять? Он просто ее купил, как покупали когда-то крестьян – чтоб вела хозяйство в доме. Красный командир решил осесть и остепениться. Её, собственно, даже никто и не спрашивал. Даже брат...

Зоя была наполовину еврейкой, а значит виноватой. В чем виноватой, вряд ли она смогла бы ответить. Впрочем, над таким вопросом и не задумывалась никогда, но знала: если что, будут бить. Когда умерли папа с мамой, брат ушел на войну, она стала прислуживать в доме тётки. Били – потому что еврейка; потому что голодно; потому что умная; потому что в школу хочет; потому что нужно обязательно кого-то бить.

Брат потом вернулся и забрал ее к себе. Не бил. Научил читать. Продал за мешок картошки.

Его она тоже поняла: семеро по лавкам, лишний рот. А картошка – это жизнь...

Она умела приспосабливаться. Быстро привыкла к новому дому. На работу Николай ее не пускал, хотел чтоб за хозяйством следила: корова, поросёнок, десяток кур.

Вставала она с рассветом и, отправив корову на выгон, возвращалась делать мужу завтрак: яйца, хлеб, молоко. Потом за ним приезжал автомобиль, и он, скрипя портупеей, уезжал на работу.

Обедал муж на службе, а ужинал всегда дома, и ужин любил богатый: борщ, мясо с картошкой, яичницу со шкварками...

Бил редко, говорил с ней – ещё реже. Она даже не знала, где он служит. Знала только, что он – большой начальник: водитель у него с машиной и маузер на боку.

Радовалась, что сытно. Тайком брату в деревню переправляла картошку. Каждый месяц – мешок...

Дома всё было – как муж скажет. По выходным он любил сам поковыряться в огороде, с наслаждением колол дрова. А под вечер любил есть особое блюдо, которое готовил сам: тюрю из хлеба, размоченного водкой. После чего кряхтел, пел: «Эх, Маруся, нам ли жить в печали?» и тащил её в кровать. Потом она аккуратно выползала из-под него, спящего, и тихонько шла спать на своё обычное место – тюфячок у печки.

Всё она делала так, чтоб он был доволен. Не перечила и не своевольничала, не приведи Господь. И только одна у неё была странность, да и то небольшая: сама завела на кухне шкафчик, где начала коллекционировать баночки. Разные: большие и маленькие. В них – приправки.

Николай ухмылялся, но позволял. И даже привык спрашивать: «С чем сегодня мясо? С тмином?». Иногда угадывал, иногда – нет.

А однажды принес ей кулинарную книгу. Посмотрел – справится ли прочесть. Справилась.

Принес ещё одну. Ещё...

И как-то понемногу привык, что балуют его на ужин редкими блюдами. Сам начал приносить: то утку, то ананасы.

И начал спрашивать уже другое: «Что у нас сегодня? Утка пекинская?».

Улыбалась она в ответ, но молчала. Привыкла помалкивать. А он ответа и не ждал – привык.

И вот однажды он сказал: «Приведу гостей. Поросёнка молочного в яблоках сделать сможешь?».

Улыбнулась, кивнула.

«А шашлык кавказский?».

И шашлык смогла.

Пошло с тех пор: как выходные или праздник какой, гостей у них – полон дом. И стол ломится, и блюда редкостные. И хозяйка хлопочет.

Одна только особенность: за стол не садится, наливки не пьёт, с гостями не танцует.

Помалкивает.

– Чё ж, Коля, жена у тебя молчаливая такая? – спрашивал у него Иван, сослуживец с таким же наганом.

– На то и жена, чтоб молчала. Поговорить, Ваня, я и с тобой могу, – отвечал тот.

Остальные гости её вроде и вовсе не замечали. Зато этот, Иван, заприметил крепко. Стал норовить в уголок зажать втихомолку. Лапал крепкими пальцами, слюнявыми губами лез целоваться.

Шептал странное:

– Не жилец твой Колька-то. Стрельнут его – пойдёшь ко мне в хозяйки?

Зоя молча уворачивалась. Но однажды – не успела. Тот вжал её крепко в угол, задрал платье.

Губами ей в ухо зашипел:

– Закричишь – убью!

Не закричала. Только отбивалась молча. А он дышал часто-часто и что-то шептал, шептал... И только когда начал расстегивать штаны, впервые разомкнула губы.

Получился крик:

– Геть, поганец. Геть!

И – вот чудо! – словно волной того отбросило, прямо вмяло в стену. Сполз он по ней, словно тряпка.

На крик прибежал Николай. Посмотрел на мятого гостя. Потом на неё.

А она глаза почему-то не отвела.

И он вдруг застыл. Смотрел, смотрел... Смотрел на неё ошеломленно.

А потом вдруг сказал:

– Какая ты красивая!

И, неожиданно рассмеявшись, спросил:

– Что сегодня на ужин у нас – голова вампира?

– Фаршированная чесноком, – улыбнулась она в ответ.

И тогда они впервые сели за стол вместе. И ели с аппетитом, то и дело весело перемигиваясь.

Женщина-кошка

Александр Шорин

Смотреть на то, как Мехлис, мой начальник, обрабатывает клиента – одно удовольствие. Клиенты у нас, как правило, такие же необычные, как и наш товар, и к каждому Мехлис умудряется ключик подобрать. Даже сам внешне меняется! Вот сейчас, к примеру, клиент толстенький, с тремя трясущимися подбородками и маленькими заплывшими глазками – так и Мехлис на глазах становится ниже и толще: прям родной брат! И рассказывает ему совсем по-свойски:

– Это Милочка, три года. Рекомендую, в самом соку! К туалету приучена, сама умеет принимать душ и чистить зубы. Может приготовить коктейль и разогреть бутерброды в микроволновке...

Я вижу, что клиента интересует совсем не это, Мехлис это тоже замечает, но пока что сознательно игнорирует: излишняя откровенность может отпугнуть сомневающегося. Всё-таки каждая из наших крошек стоит в два раза дороже, чем новенький «Мерседес» последней модели.

– Умеет танцевать, делать массаж...

Клиент начинает терять терпение, и Мехлис переходит к главному:

– Вас волнует, что она умеет в постели?

Тот кивает и на его носу виснет крупная капля пота.

Мехлис продолжает медленно:

– Всё, что касается... э... сексуальных отношений... будет зависеть только от вас. Она будет выполнять любые прихоти, причём только ваши. Мы даём гарантию.

И только в этот момент он отворачивается от клиента, и наконец смотрит на Милочку: прекрасно сложенную и абсолютно нагую юную девушку, которая сидит в кресле, с детской непосредственностью поджав под себя ноги. Глаза её закрывают плотно пригнанные черные очки.

Клиент тоже смотрит на неё, и с его носа капли пота начинают капать одна за одной, но он, кажется, этого совсем не замечает: он смотрит во все глаза на предстоящую покупку.

– Она будет любить вас, и только вас, – повышая голос, продолжает Мехлис. – Всегда, до самой смерти.

...Как известно, дрессировка женщин-кошек проходит в несколько этапов, которые для того, чтобы получилась полноценные особи, годные к продаже, должны соблюдаться неукоснительно. За этими-то этапами я и слежу, задача Мехлиса – продавать, в чем ему нет равных.

Сначала, конечно, приходит груз с котятами. Они всегда очень забавные, когда только-только после разморозки. И все самки: самцы слишком агрессивны, даже после длительной дрессировки, и мы с ними никогда не связываемся.

Непосвящённые гадают: на кого больше похожи эти котята – собственно на котят или на человеческих детей? Открою тайну: ни на тех, ни на других – больше всего они напоминают больших щенков, покрытых розовым пухом. Первая моя задача: подружиться с ними. Вторая – приучить исключительно к человеческой еде: никаких муравьев, никакой падали, которую они привыкли есть дома. Молоко – только коровье, в крайнем случае – козье. Третье: они должны ходить в туалет так, как это делают люди: то есть сначала на горшок, а потом, когда чуть подрастут – на унитаз. Четвёртое, и самое сложное: они должны мыться, преодолев природное отвращение к воде. Тут приходится помучиться!

Конечно, у каждой из них свой характер и не всегда приятный, но в целом, скажу я вам, это ангельские создания: весёлые, послушные, игривые. И очень смысленные. А как быстро они растут! Буквально через месяц каждая из них уже ростом с девочку лет пяти, через полгода каждая – уже девочка-подросток, а к седьмому месяцу, когда пух начинает вылезать, они уже должны быть абсолютно послушны и уметь то самое необходимое, о чем я уже говорил: есть, ходить в туалет и мыться. И именно тогда мы закрываем их глаза специальными очками, которые невозможно самостоятельно снять: следующее, что они должны увидеть в этой жизни – их будущий хозяин. Увидеть его – значит увидеть своего будущего господина на всю оставшуюся жизнь. Принадлежать только ему, любить только его.

Всегда.

...Милочка поднимается с кресла, и тут клиент видит шрам на её ноге: несмотря на все наши старания, она всё-таки немного прихрамывает. Клиент хмурится.

– Мы готовы сбавить цену на тридцать процентов, – говорит Мехлис елейным голоском.

Но тот решительно мотает головой. Мехлис вздыхает. Он не хуже меня знает: всем покупателям нужны идеальные тела, хромоножка никого не интересует. Он снова вздыхает и ведет клиента в другую комнату, говоря:

– Я покажу вам Розочку. Она идеальна, но стоит будет гораздо дороже...

Когда они уходят, я медленно подхожу к Милочке. Она чует мой запах и, вскочив, прижимается к моей ноге. Я нежно глажу её мягкие, чуть рыжеватые волосы и говорю грустно:

– Если тебя не купят, то ты начнешь стареть.

Она ласково мне улыбается. Слов она не понимает, а интонация моего голоса упрёка в себе не несет: в душе я рад, что Милочка вновь осталась с нами.

Она была необычным котенком: видимо, когда ее ловили в джунглях Колхиды, то повредили лапку и не заметили этого. Потом, уже здесь, лапка загноилась и так болела, что даже наша медицина не смогла вылечить её окончательно. Я возился с ней больше, чем с остальными вместе взятыми, а в результате её никто не хочет покупать. Обидно!

Тут я задумался и вспомнил страшные истории о том, что делают богачи с теми кошками, которые стареют. На седьмой год человеческой жизни эти милые создания начинают набирать вес и покрываться морщинами. На десятый – дряхлеют, а к двенадцатому обычно умирают от старости. С людьми у них потрясающее внешнее сходство, а вот век совсем другой. Говорят, что старых особей хозяева иногда убивают или выбрасывают на улицу. Второе страшнее, потому что умирают они не от голода, а от тоски по утраченному господину...

– Пойдем, – говорю я Милочке.

Та послушно, чуть прихрамывая, идет за мной в питомник, внешне неотличимый от обычной большой квартиры. Там она сворачивается калачиком на своем любимом диване и начинает мурлыкать, когда я глажу ее волосы.

Я надеваю на нее халат и невольно засматриваюсь: все женщины-кошки в юном возрасте очень красивы, но Милочка, на мой взгляд, лучше других: у неё умильно вздёрнутый носик и прекрасный, чувственный рот. А грудь... Нет, не будем об этом!

«Интересно, какие у неё сейчас глаза?» – думаю я.

В детстве они у всех котят прозрачно-голубые, а к двум годам, когда их можно уже продавать, они, как правило, становятся изумрудно-зелёными. Иногда желтоватыми... Вот только преданно эти глаза смотрят только на своего хозяина, на остальных они глядят холодно, даже презрительно.

На всех. Даже на меня.

...Через полчаса, облегченно отдуваясь, является Мехлис. По всему видно: продажа прошла удачно.

– Хорошая была идея предлагать сначала Милочку, а уже потом других, – говорит он довольным тоном. – Я всегда набавляю цену, а они всегда соглашаются.

И он довольно хихикает.

– Вот только что будем делать, когда Милочка начнет стареть? – спрашиваю я задумчиво.

– Не бери в голову, – отмахивается он. – Продам кому-нибудь по дешевке.

– За сколько? – спрашиваю я неожиданно.

– Тысяч за тридцать-сорок... – говорит он беззаботно.

И вдруг настораживается:

– Эй! А что это ты спрашиваешь?

– Да так... – отвечаю я как можно беззаботнее, но от его опытных глаз не ускользает мое смущение.

– Ты это брось! – говорит он, глядя мне прямо в лицо.

Я опускаю взгляд и говорю тихим голосом:

– А что такого? Будет нам помогать воспитывать малышей.

Он берёт меня за подбородок своими толстыми пальцами, поднимает мою голову и смотрит мне прямо в глаза:

– Ты это серьёзно?

– Вполне! – говорю я почти с отчаяньем.

Он резко отпускает руку, и голова моя вновь падает на грудь. Тихо, но зловеще-отчетливо он произносит то, что я знаю и без него:

– Забыл историю Грин-Грэя? А? Забыл?!!

Историю, о которой он говорит, я, конечно же, помню так же хорошо, как все кошатники.

Наши кошечки совершенно равнодушны к соперницам-женщинам, но не потерпят рядом со своим хозяином ни одной другой кошки: с ними они начнут сражаться не на жизнь, а на смерть. Это известно давно, и об этом мы предупреждаем каждого покупателя. Но вот только до определенного времени считалось, что на котят это никак не распространяется: напротив – срабатывает инстинкт материнства. Грин-Грэй, известный кошатник, завел себе жену-кошку, и она очень помогала ему при воспитании котят... Но только до тех пор, пока они не повзрослели. В момент их созревания инстинкт любви к хозяину стал сильнее инстинкта материнства, и милая кошечка растерзала их всех. И не просто растерзала – съела. Этот случай, конечно же, замаяли, чтобы избежать шумихи, но нам, профессионалам, он конечно был хорошо известен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.